

пагандировал их. Но, с другой стороны, нельзя не признать, что он иногда как бы слегка иронизирует над ними, выискивает в них некоторые противоречия; не может с ними до конца согласиться. «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире», — говорится в «Чистосердечном признании» (2, 90); с годами это качество в писателе не исчезло.

И второе. Фонвизин целиком принадлежал, конечно, не только к русскому, но и к широкому общеевропейскому движению просветительства. Между отдельными представителями европейского Просвещения, как мы хорошо знаем, не было полного согласия по всем вопросам; напротив, они часто вступали в споры, в ожесточенную полемику, осмеивали друг друга и даже становились врагами; и это не должно нас удивлять; в этом контексте получают свое объяснение и также не должны удивлять нас широко известные расхождения Фонвизина с отдельными французскими просветителями, его пренебрежительные отзывы о них, элементы полемики с ними на страницах некоторых из его произведений.
